

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ВЫЗОВ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА:
между кризисом и модернизацией

Д. В. Соколов

**Северный Кавказ.
Модернизационный вызов**

«РАНХиГС»

2014

УДК (470.6)/316-334.3/332
ББК 65.9(2)30-1

Соколов Д. В.

Северный Кавказ. Модернизационный вызов / Д. В. Соколов —
«РАНХиГС», 2014

ISBN 978-5-7749-0941-4

В книге дается представление авторов об экономике Северного Кавказа, существенно отличающееся от общепризнанного. Под вопрос ставятся многие сложившиеся мифы и стереотипы – тотальная депрессивность; масштабы безработицы и бедности; наличие барьеров, полностью исключающих модернизацию; дефицит финансовых средств как основная причина недостаточного экономического развития. Формулируются базовые принципы регионального развития, альтернативные традиционному принятым в северокавказской политике, предлагаются меры по их реализации. Наиболее подробно разработаны рекомендации по земельной реформе на Северном Кавказе. Работа содержит анализ общих тенденций и детальную проработку отдельных примеров, статистические выкладки и результаты социологических опросов, обобщение международного опыта. Для всех, кто интересуется реально происходящими процессами на Северном Кавказе.

УДК (470.6)/316-334.3/332

ББК 65.9(2)30-1

ISBN 978-5-7749-0941-4

© Соколов Д. В., 2014

© РАНХиГС, 2014

Содержание

Введение	6
Глава 1. Социально-экономическое развитие республик северного Кавказа: количественные оценки	9
1.1. Особенности экономики и рынков труда республик Северного Кавказа: видимая и невидимая части	10
1.2. Уровень и динамика экономического развития в периоды экономического роста и кризиса	13
1.3. Уровень и динамика социального развития: статистика не видит кризиса	18
1.4. Состояние бюджетов республик: высокая дотационность обеспечивает стабильность	25
Глава 2. Модернизация на Северном Кавказе: постановка проблемы	31
2.1. Знаем ли мы, что такое модернизация?	31
2.2. Проклятие успешной модернизации	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Д. Соколов, И. Стародубровская,
Н. Зубаревич, Т. Интигринова,
Н. Миронова, Х. Магомедов
Северный Кавказ:
модернизационный вызов**

© ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», 2011, 2012, 2014

* * *

Введение

Рабочее название данной книги звучало как «Северный Кавказ: модернизационный проект». Коллектив авторов ставил перед собой задачу: независимо от государственных структур, занимающихся данной проблематикой, высказать свою точку зрения на перспективы развития и механизмы модернизации северокавказских республик, предложить конкретные меры по ускорению данных процессов. Однако в ходе работы стало ясно, что разработка комплексного проекта в данной сфере – задача гораздо более сложная и неоднозначная, чем казалось изначально, требующая существенно более глубокой проработки проблемы и, что не менее важно, широкого общественного обсуждения. В результате название работы изменилось. Книга, которую Вы держите в руках, озаглавлена «Северный Кавказ: модернизационный вызов». Это, скорее, не набор рецептов, а приглашение к дискуссии. Некоторые содержащиеся здесь предложения доведены до достаточно детальной проработки, другие лишь намечены, в ряде случаев авторы ограничились выдвиганием гипотез. В то же время книга содержит большой материал для размышления: анализ общих тенденций и детальную проработку отдельных примеров, статистические выкладки и результаты собственных социологических опросов, обобщение международного опыта, также не всегда позволяющего дать однозначные рекомендации.

Одна из основных трудностей при изучении ситуации на Северном Кавказе состоит в отсутствии достоверной информации. По достаточно единодушному экспертному мнению, статистические данные по данному региону малодостоверны и потому не могут быть основной или, тем более, единственной базой для проведения анализа. Другие источники информации достаточно фрагментарны и могут использоваться лишь как вспомогательные. В настоящей работе данная проблема была решена следующим образом. Основой анализа стал большой массив углубленных интервью (не менее 1000), которые авторы провели в ходе поездок по северокавказским регионам. Наиболее детально подобной работой были охвачены Республика Дагестан и Кабардино-Балкарская Республика. Более ограниченный материал был собран по Карачаево-Черкесии и Северной Осетии – Алании. Чеченская Республика и Республика Ингушетия на настоящий момент в исследование включены не были.

Круг интервьюируемых был достаточно широк, он охватывал представителей региональных и муниципальных властей, религиозных деятелей, местную интеллигенцию; учителей, врачей, ремесленников, фермеров, чабанов; людей различных взглядов и вероисповеданий. Респонденты различались по месту проживания (от мегаполисов до отдаленных сел), полу, возрасту, уровню образования, другим существенным характеристикам. Полученная в ходе интервью информация дополнялась и проверялась собственными наблюдениями, а также на основе предоставленных респондентами первичных материалов (исторических, справочных, картографических и т. п.).

Данный подход к исследованию имеет как значительные достоинства, так и существенные недостатки. К позитивным его характеристикам можно отнести то, что информация получается из первичных источников; позволяет оценить не только формальные характеристики ситуации, но и неформальные процессы (что критически важно в случае северокавказских республик); выявить систему интересов и механизмы взаимодействия различных игроков. Но в то же время подобная информация фрагментарна, достаточно субъективна, часто противоречива, с трудом поддается обобщению. Понимая эти проблемы, авторы стремились максимально снизить существующие здесь риски: увеличивать выборку, сопоставлять различные источники, проверять сделанные выводы «включенными наблюдениями». В каких-то случаях это удалось в большей мере, в каких-то – в меньшей. Ненадежность информационных источников – один из важнейших факторов, благодаря которым «модернизационный проект» превратился в «модернизационный вызов».

Еще одна проблема исследований Северного Кавказа – это сложность соотнесения происходящих там процессов с моделями, сформированными в науке на основе изучения других стран и регионов. Складывающиеся здесь тенденции явно не вписываются в логику развития западных стран. В то же время, судя по всему, имеются существенные отличия и от государств «третьего мира». Можно предположить, что достаточно продуктивным было бы сопоставление механизмов развития на Северном Кавказе с менее развитыми европейскими странами (Италией, Испанией), однако данный вопрос требует дополнительного изучения. Ясно, что Кавказ имеет определенную специфику по сравнению с другими российскими регионами, хотя до конца не очевидно, насколько велика эта специфика. Особый вопрос – Кавказ и исламские государства, влияние ислама на развитие этого региона. Данная тема столь серьезна, что требует отдельного исследования, здесь она практически не затрагивалась.

В то же время, несмотря на имеющиеся информационные ограничения, мы считаем, что исследователи выполнили ту задачу, которая перед ними ставилась. Анализ ситуации в северокавказских республиках, выявление барьеров на пути экономического роста, а также процессов, препятствующих модернизации на данной территории, позволили предложить определенный подход к государственной политике в отношении северокавказского региона.

Сразу заметим, что этот подход существенно отличается от заявленного в «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года». На основе независимого исследования удалось сформулировать альтернативу, а тем самым – и создать поле для дискуссий. Мы надеемся, что данная работа позволит заложить базу для более глубокого понимания происходящего на Северном Кавказе, расширить и оживить обсуждение перспектив развития этой очень своеобразной, чрезвычайно сложной и конфликтной, но необыкновенно интересной части Российской Федерации.

Проведение настоящего исследования было бы невозможно без заинтересованного участия наших коллег из экспертного сообщества, а также без помощи тех людей в северокавказских республиках, которые делились с нами информацией, помогали организовывать интервью, предоставляли нам стол и кров в своих домах. К сожалению, мы здесь вряд ли сможем перечислить их всех поименно. Но хотелось бы подчеркнуть, что их гостеприимство, заинтересованное отношение к нашему исследованию, поддержка в решении рабочих и бытовых проблем внесли неоценимый вклад в то, что эта работа была написана.

Эта работа была бы невозможна без активного содействия наших друзей и добровольных помощников в Дагестане – Зубайры Зубайруева, Наримана Гаджиева, Расула Хайбулаева, Магомеда Абдурашидова, Михаила Чернышова, Хаджимурада Камалова, Эдуарда Уразаева, Расула Кадиева, Наиды Хаспулатовой, Тимура Ботвина, Магомеда Магомедомарова, Заремы Дадаевой, Патимат Раджабовой, Макамагомеда Шанавазова, Надиры Исаевой, Ольги Сунгуровой, Абдулы и Хадиджата Арабовых, Заура Фаталиева, Айшат Саидовой, Омара Омарова.

Представитель Центра RAMCOM в Республике Дагестан Хабиб Магомедов не только стал членом нашего авторского коллектива, внесшим большой интеллектуальный вклад в проводимые исследования, но и оказал нам неоценимую организационную поддержку.

Интереснейшие исследования в Дагестанском государственном университете были проведены благодаря Муртазали Хулатаевичу Рабаданову – ректору ДГУ и Магомедовой Мадине Маликовне – проректору ДГУ по воспитательной работе.

Олег Аргунов, директор Хабезского гипсового завода, и Азрет Караев из «Эльбрусоида» помогали нам вести исследования в Карачаево-Черкесии.

Заурбек Уруцкоев, Руслан Агкалаев, Индира и Аслан Касаевы поддерживали нас в Северной Осетии – Алании.

В Кабардино-Балкарии нашей работе содействовали Феликс Хараев, Мухадин-Хаджи Циканов, Борис Паштов, Геннадий Темирканов, Хызыр Макитов, Асланбек Макитов, Абузеит

Гериев, Байрамук Ногеров, Эдуард Масаев, Марина Чернышева, Джамиля Аккиева, Оксана Шухостанова, Казбек Магомедов, Амир и Амид Шебзуховы.

Без серьезной экспертной поддержки Ибрагима Яганова и Мурадзина Рахаева мы не смогли бы разобраться в проблемах отгонного животноводства, в этнических и земельных отношениях в республике.

Особая благодарность – Узеиру Курданову, главе администрации п. Эльбрус. Он помог нам понять, как развиваются институты собственности и гостиничный бизнес в Приэльбрусье.

В самом начале исследований много сделал для запуска проекта заведующий кафедрой политологии КБГУ Тимур Тенов. Отдельное спасибо его семье за гостеприимство. Интеллектуальный и организационный вклад в данную работу внес Михаил Белгороков.

Глава 1. Социально-экономическое развитие республик северного Кавказа: количественные оценки

Анализировать уровень и динамику развития республик Северного Кавказа можно по разным источникам информации.

Первый – данные государственной статистики по регионам. Российская региональная статистика несовершенна, но для республик Северного Кавказа это справедливо вдвойне. Главная причина – более широкое распространение неформальной экономики, которая включает теневое производство товаров и услуг в общественном секторе и большую часть малого предпринимательства. Плохо учитывается и продукция личных хозяйств населения, которая играет значительную роль в доходах сельских жителей. Низкое качество статистики усугубляется масштабными приписками¹ и некорректными дооценками². Но даже не вполне качественная статистика, если она собирается по стабильной методике, способна отражать *динамику* развития, в том числе в периоды экономического роста и кризиса. Однако оценки *уровня* социально-экономического развития и его различий между республиками можно делать только с корректировкой на степень достоверности данных. С этой целью статистические данные сопоставляются с показателями соседних краев и областей юга России, чтобы уточнить достоверность информации по республикам Северного Кавказа и более четко показать их специфику. Второй источник – данные бюджетной статистики, они более достоверны и позволяют оценить приоритеты политики федерального центра и самих республик. Эти данные в оперативном режиме размещаются на сайте Федерального Казначейства. Третий источник – экспертные оценки развития бизнеса в республиках на основе имеющейся информации (деловых СМИ, экспертного сообщества и др.). Но даже интеграция разных источников информации не обеспечивает полной достоверности по причине особой структуры экономики и специфических институтов в этих регионах.

---

¹ По оценкам демографов, данные переписи 2002 г. завысили численность населения Чечни примерно на 400 тыс. чел., Ингушетии – почти на 100 тыс. чел. По этой причине в Ингушетии численность учащихся школ (ведомственная статистика) почти в два раза ниже численности детей школьного возраста (половозрастная структура рассчитывается на базе данных переписи).

² Например, уровня душевых денежных доходов населения Дагестана и их структуры.

1.1. Особенности экономики и рынков труда республик Северного Кавказа: видимая и невидимая части

Легальная экономика республик Северного Кавказа мала по объему. Неконкурентоспособная промышленность пережила сильнейший спад в 1990-е гг. (сокращение объемов на $\frac{2}{3}$ и более), из крупных объектов сохранились гидроэлектростанции, принадлежащие федеральным структурам (ранее РАО ЕЭС, затем «Русгидро»), частично восстановилось цементное производство в Карачаево-Черкесии. Бывшие крупные предприятия тяжелой промышленности либо закрыты (Тырныаузский вольфрамо-молибденовый комбинат в Кабардино-Балкарии), либо с трудом выживают, резко сократив объемы производства («Электроцинк» в Северной Осетии, Каспийский завод в Дагестане, производящий продукцию ВПК). Состояние нефтедобывающей отрасли в Чечне неизвестно. Более устойчиво развиваются пищевые предприятия, работающие частично на местном сырье и производящие алкогольную продукцию, воду, соки и др. В основном это средний и малый бизнес.

Доля аграрного сектора в большинстве республик выше, чем доля промышленности, в нем преобладает продукция частных хозяйств, хотя сельскохозяйственные предприятия формально сохранились. В рыночных услугах доминирует торговля, при этом значительная ее часть остается в тени и не отражается в статистике. Базовой отраслью стали нерыночные услуги (бюджетная экономика), они концентрируют большую часть занятых в легальной экономике и вносят значительный или даже максимальный вклад в структуру валовой добавленной стоимости республик Северного Кавказа – от 24 до 53 %³ (табл. 1.1).

Таблица 1.1. Доля основных секторов и отраслей в структуре валовой добавленной стоимости республик Северного Кавказа в 2008 г., %

	Сельское и лесное хозяйство	Промышленность	Рыночные услуги	В т.ч. торговля и ремонт	Нерыночные услуги
В среднем по регионам РФ	4,5	32,3	43,7	21,7	12,5
Республика Адыгея	17,5	17,0	31,5	21,6	24,5
Республика Дагестан	14,1	8,5	41,0	24,3	16,4
Республика Ингушетия	8,8	4,6	21,9	10,1	54,3
Кабардино-Балкарская Республика	21,7	13,8	33,0	18,4	23,8
Карачаево-Черкесская Республика	21,5	23,5	24,6	12,3	23,3
Республика Северная Осетия–Алания	17,9	17,0	30,7	18,2	26,3
Чеченская Республика	7,9	8,0	23,2	12,5	40,3

Неформальная экономика республик Северного Кавказа представлена разными секторами. По экспертным оценкам, важнейший теневой финансовый поток – бюджетные ресурсы, перераспределяемые в форме коррупционных платежей и доходов. Второй по масштабам

³ По Дагестану доля бюджетного сектора в валовой добавленной стоимости (16 %) наименее достоверна.

финансовый источник – нерегистрируемые доходы от товарного личного хозяйства. Третий источник – теневые доходы трудовых мигрантов, выезжающих на заработки за пределы своей республики. Четвертый – теневые доходы от розничной торговли и рекреационных услуг. На Северном Кавказе в структуре розничной торговли до сих пор доминируют вещевые и продовольственные рынки, товарооборот которых преимущественно теневой. Рекреация локализована на горнолыжных курортах (Приэльбрусье, Домбай) и обеспечивает теневые доходы местному населению. Еще один источник – теневое промышленное производство, в том числе в пищевой отрасли (неучтенное производство водки и коньяка), средний и малый бизнес по производству обуви, шубно-меховых изделий, строительных материалов и др. Неформальная экономика каким-то образом дооценивается в государственной статистике, но достоверность этих оценок невысока.

Особенности структуры экономики республик Северного Кавказа отражаются в структуре занятых. В табл. 1.2 представлены данные Росстата о структуре занятых по основному месту работы, рассчитанные по разным методикам и на основе разных источников информации (обследований рынка труда, данных налоговой статистики и др.). Они различаются, ведь точной информации о структуре занятых в этих регионах не существует.

Важнейшая особенность республик Северного Кавказа – высокая самозанятость населения, максимальная в Дагестане и Чечне (47–48 % от среднегодовой численности занятых). Самозанятость существует в двух формах. Первая – предприниматели без образования юридического лица, а также занятые в фермерском хозяйстве, на индивидуальной основе, в домашнем хозяйстве производством продукции, предназначенной для реализации. Их доля максимальна не только в Дагестане и Чечне, но и в Ингушетии (26–28 %). Вторая форма – занятость у физических лиц, также максимальная в Дагестане и Чечне (18–23 %). Обе формы занятости в значительной степени теневые. Так, по данным налоговой статистики, доля индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица (ПБОЮЛ), прошедших регистрацию (перерегистрацию), составляет только 7 % от среднегодовой численности занятых в Дагестане, немногим больше – в Чечне и Ингушетии (12 %). Следовательно, все остальные самозанятые производят товарную продукцию на продажу без юридического оформления своей деятельности и уплаты налогов. Только в Адыгее и Северной Осетии рынки труда по структуре занятости более похожи на среднероссийские и в меньшей степени являются теневыми.

Статистика занятости также подтверждает сильнейшее неблагополучие предпринимательского климата почти во всех республиках Северного Кавказа, за исключением Адыгеи. Занятость на предприятиях малого и среднего бизнеса в республиках (4–11 %) существенно ниже средней по стране (18 %) и ниже, чем в «русских» регионах Юга (16 %). Особенно низкими показателями выделяются Дагестан, Чечня и Ингушетия (4–5 %), что подтверждает устойчивые представления о максимальной остроте институциональных проблем в этих республиках, прежде всего гарантий прав собственности.

Таблица 1.2. Распределение численности занятых в экономике по месту основной работы и другие оценки занятости (все показатели рассчитаны в % от среднегодовой численности занятых)⁴

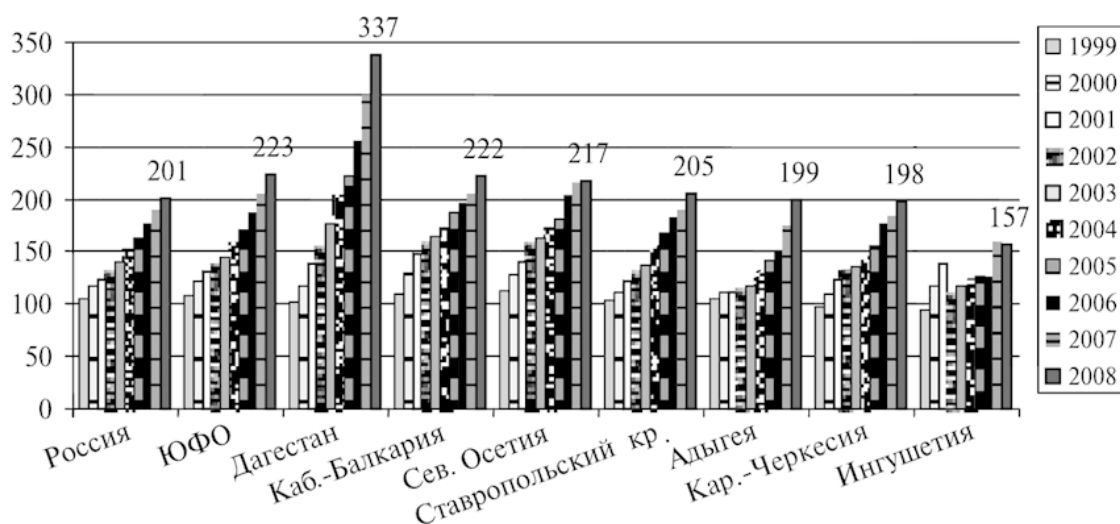
⁴ * Предприниматели без образования юридического лица, включая лиц, занятых в фермерском хозяйстве, на индивидуальной основе, а также в домашнем хозяйстве производством продукции сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства, предназначенной для реализации. ** Малого и среднего бизнеса.

	В организациях, 2008 г.	ПБОЮЛ и др.*, 2008 г.	По найму у физических лиц, 2008 г.	Всего заняты вне организаций, 2008 г.	Среднесписочная численность работников на предприятиях МСБ**, 2009 г. (оценка Росстата)	Число индивидуальных предпринимателей, прошедших гос. регистрацию (перерегистрацию) на начало 2010 г.
Россия	82	8	11	18	18	6
Республика Северная Осетия–Алания	78	12	11	22	9	6
Республика Адыгея	76	12	12	24	16	13
<i>Краснодарский край</i>	76	13	12	24	16	11
<i>Ставропольский край</i>	73	13	14	27	16	8
Кабардино-Балкарская Республика	68	20	12	32	8	9
Карачаево-Черкесская Республика	65	20	15	35	11	9
Республика Ингушетия	64	28	8	36	5	12
Чеченская Республика	54	28	18	47	4	12
Республика Дагестан	52	26	23	48	5	7

Обзор особенностей экономики и рынков труда республик Северного Кавказа показывает, что анализ динамики и уровня развития можно проводить только с учетом существующей специфики. Следует еще раз повторить, что многие социально-экономические показатели не могут быть точными при высокой доле теневой экономики и чрезвычайно высокой самозанятости в большинстве республик. Особой осторожности требует анализ статистических показателей Ингушетии, Чечни и Дагестана.

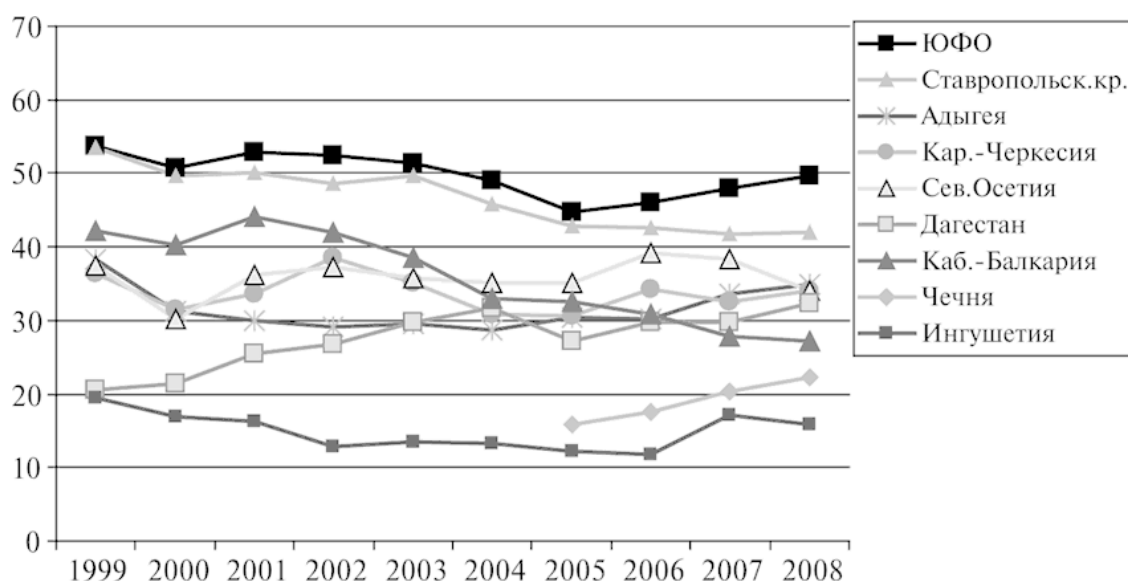
1.2. Уровень и динамика экономического развития в периоды экономического роста и кризиса

В период экономического роста в половине республик Северного Кавказа темпы роста ВРП превышали средние по регионам России, особенно выделяется по динамике роста экономики Дагестан (в 3,4 раза за десять лет в сопоставимых ценах). Показатели динамики Адыгеи и Карачаево-Черкесии были близки к средним, и только Ингушетия резко отставала (рис. 1.1). Позитивные показатели следует оценивать с учетом эффекта базы (очень низких исходных показателей ВРП) и с пониманием того, за счет какого «мотора» росла экономика республик. В основном это резко возросшая федеральная помощь, позволявшая наращивать расходы на социальные цели (они учитываются в ВРП как производство услуг). Однако ускоренный рост ВРП Дагестана объяснить невозможно. Можно только предположить, что немалый вклад в сверхвысокие темпы роста внесли искажения статистической отчетности (приписки) и дооценки неформальной экономики, т. е. чисто статистические эффекты.

Рис. 1.1. Динамика ВРП республик Северного Кавказа и Ставропольского края в 1999–2008 гг., % к 1998 г. нарастающим итогом

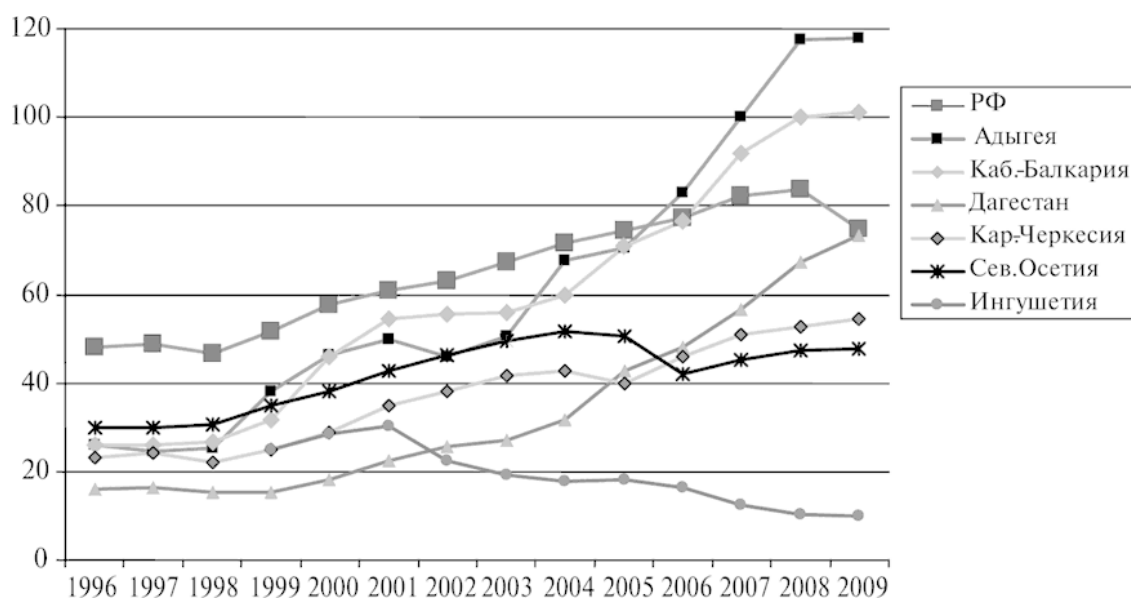
Обеспечивает ли экономический рост сближение душевого показателя ВРП республик со средним по стране? Если верить статистике, то сближение демонстрируют только две республики – Чечня и Дагестан (рис. 1.2), причем Чечня – за счет огромных перечислений из федерального бюджета, а Дагестан – вследствие очень своеобразных статистических дооценок, которым трудно поверить. В Северной Осетии, Карачаево-Черкесии и Адыгее сложившееся отставание сохраняется примерно на одном уровне, душевой ВРП составляет 30–40 % от среднего по регионам России. В Ингушетии и, особенно, в Кабардино-Балкарии отставание от среднероссийского показателя за десять лет экономического роста усилилось.

Рис. 1.2. Душевой ВРП республик Северного Кавказа и Ставропольского края, % к среднему по РФ

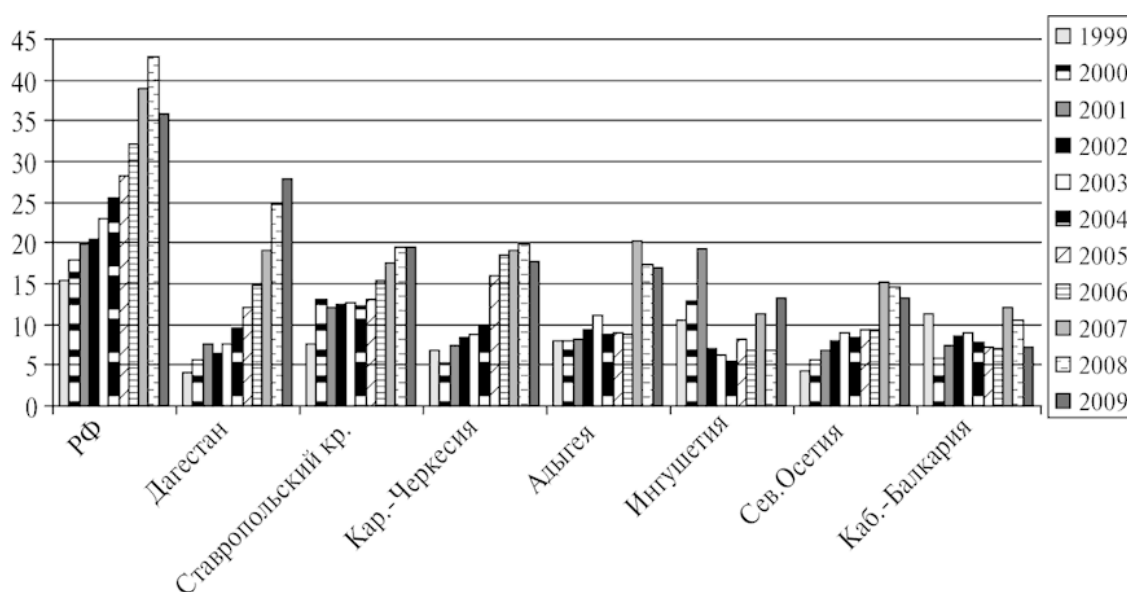
Объем промышленного производства в республиках невелик, и на его динамику за период экономического роста влияют эффект низкой базы, а также пропорции теневого и легального производства. В результате траектории развития промышленности в республиках очень разные – от сверхвысокой динамики в Адыгее, Кабардино-Балкарии благодаря развитию и легализации пищевой отрасли, в последние годы – в Дагестане (в основном за счет роста федерального финансирования ВПК), до застоя в Северной Осетии и полной деиндустриализации в Ингушетии (рис. 1.3). Кроме того, можно отметить минимальное влияние кризиса 2008–2009 гг. на динамику промышленности, поскольку:

- пищевая продукция не потеряла рынки сбыта;
- Каспийский завод, производящий продукцию для региона, продолжал получать бюджетное финансирование;
- немногочисленные крупные предприятия тяжелой промышленности и до кризиса практически «лежали», поэтому в кризис мало что изменилось.

Рис. 1.3. Динамика промышленного производства в республиках Северного Кавказа, % к 1990 г. нарастающим итогом

Инвестиции в экономику республик Северного Кавказа почти весь период экономического роста были очень низкими, не достигая даже половины от средних по России (рис. 1.4). Заметный рост произошел только во второй половине 2000-х гг. благодаря росту инвестиций из федерального бюджета и привлечению средств государственных монополий. Даже под давлением федеральных властей крупный частный бизнес проявил минимальную инвестиционную активность в республиках с очень высокими рисками. Более устойчиво росли инвестиции в Дагестане, где реализуются энергетические и инфраструктурные проекты, минимальный рост инвестиций до кризиса имели Кабардино-Балкария и Ингушетия. Данные по Чечне не публикуются, но именно эта республика стала реальным инвестиционным лидером благодаря масштабным федеральным трансфертам.

Рис. 1.4. Душевые инвестиции в 1999–2009 гг., в постоянных ценах 2006 г., тыс. руб. на чел.

Характерный для всей страны кризисный спад инвестиций произошел далеко не во всех республиках Северного Кавказа (табл. 1.3). Публикация данных по Чечне позволяет оценить масштабы и беспрецедентную динамику инвестиционных вливаний в экономику республики. В политически проблемных Дагестане и Ингушетии инвестиции также росли, при этом в Ингушетии – вдвое за 2009 г. В 2010 г. рост инвестиций в половине республик продолжился.

Таблица 1.3. Рейтинг республик Северного Кавказа по динамике инвестиций к докризисному периоду (1-е полугодие 2008 г.), %

	1-е полугодие 2009 г.	1-е полугодие 2010 г.
Чеченская Республика	120	287
Республика Ингушетия	2	50
Республика Дагестан	19	28
Ставропольский край	17	21
Республика Адыгея	39	20
Кабардино-Балкарская Республика	-6	-14
Россия	-19	-18
Республика Северная Осетия–Алания	-5	-33
Карачаево-Черкесская Республика	-18	-53

Не только в Чечне, но также в Ингушетии и Дагестане рост инвестиций обеспечивается в основном за счет инвестиций из федерального бюджета (табл. 1.4). Повышенная доля инвестиций из бюджета Чечни обусловлена большим объемом бюджета этой республики, что позволяет значительную часть средств расходовать

на инвестиционные цели. Такая политика в России типична только для самых «богатых» регионов (Москвы, Тюменской области), но там инвестиционные расходы резко сократились в кризис. В Чечне же их рост только ускорился, поскольку бюджет республики более чем на 90 % формируется за счет федеральных трансфертов, а не собственных доходов. В случае Чечни, а также Ингушетии и Дагестана, статистическая графа «Инвестиции из бюджета субъекта РФ» фактически означает те же средства федерального бюджета, только пропущенные через бюджет региона в виде дотаций и субсидий. «Заливание» бюджетными деньгами наиболее политически проблемных регионов стало основным инструментом политики федеральных властей. В остальных республиках доля инвестиций из федерального бюджета ниже, как следствие – в них ниже и душевые показатели инвестиций.

Таблица 1.4. Доля бюджетных средств в общем объеме инвестиций, %

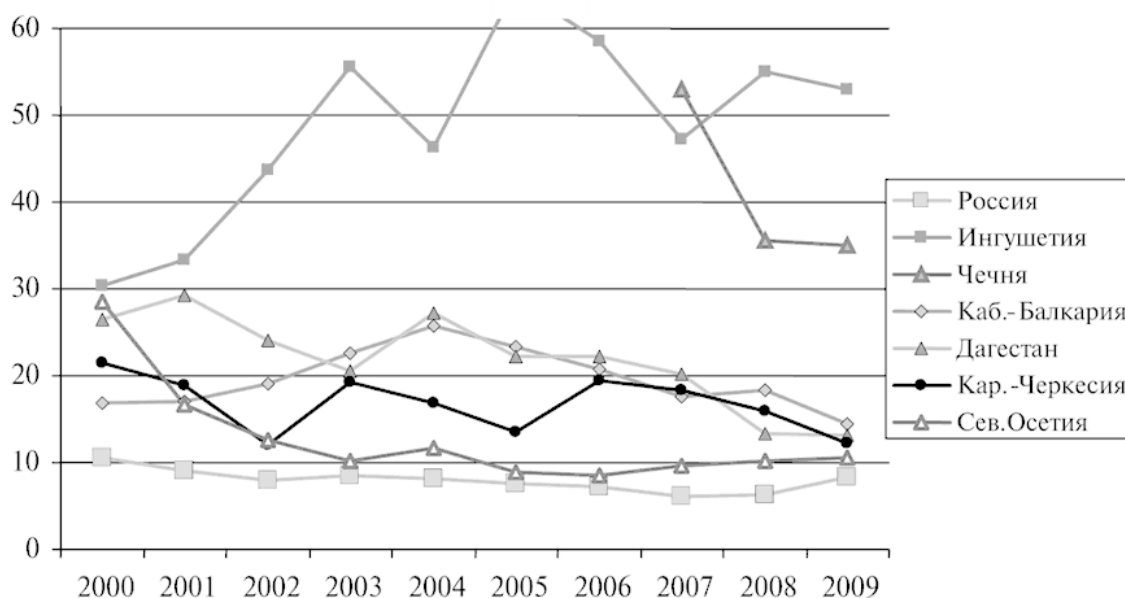

	1-е полугодие 2010 г.			1-е полугодие 2009 г.		
	доля бюджет- ных средств	в том числе		доля бюджет- ных средств	в том числе	
		федераль- ного бюд- жета	бюджетов субъектов РФ		федераль- ного бюд- жета	бюджетов субъектов РФ
Россия	16	8	7	17	7	9
Республика Ингушетия	95	74	21	89	69	21
Чеченская Республика	87	49	38	76	48	28
Республика Дагестан	59	38	21	57	38	19
Карачаево-Черкесская Республика	41	30	7	33	29	4
Республика Северная Осетия – Алания	39	29	4	32	29	3
Кабардино-Балкарская Республика	29	23	6	35	18	17
Республика Адыгея	22	9	13	51	41	10

В целом можно отметить, что слаборазвитая легальная экономика республик Северного Кавказа росла до кризиса достаточно быстро за счет перераспределения бюджетных ресурсов. Исключение – только Ингушетия, где деградация институтов и системы управления достигла предела. Влияние нового кризиса было смягчено возросшими инвестициями из федерального бюджета, они в первую очередь направлялись в наиболее политически проблемные (нестабильные) республики – Чечню, Ингушетию и Дагестан. Для остальных республик кризис сопровождался заметным сокращением инвестиций.

1.3. Уровень и динамика социального развития: статистика не видит кризиса

Индикаторы, измеряющие состояние рынка труда и доходы населения республик Северного Кавказа, также не слишком достоверны. В период экономического роста в республиках был слабее выражен типичный для всей страны тренд сокращения уровня безработицы по методологии МОТ, а в Ингушетии безработица даже резко выросла (рис. 1.5). Помимо очевидных дефектов измерения (недостаточных объема и репрезентативности выборки), есть два объяснения такой динамики. Это может быть связано с выходом на рынок труда более многочисленных когорт молодежи при недостаточном предложении рабочих мест. Другая причина – респонденты не признаются в наличии теневой занятости в ходе обследований рынка труда, проводимых Росстатом.

Рис. 1.5. Уровень безработицы по методологии МОТ, %

Показатели уровня зарегистрированной безработицы еще хуже отражают ситуацию на региональных рынках труда, особенно на Северном Кавказе, ведь на основе этих индикаторов выделяются федеральные трансферты на выплату пособий по безработице. Например, Чечня имеет максимальный показатель зарегистрированной безработицы (61 % на конец 2009 г.), который почти вдвое превышает показатель безработицы по МОТ (33 %). Этого просто не может быть, так как методика оценки безработицы по МОТ более либеральна, поэтому в среднем по РФ и практически во всех регионах этот показатель почти в три раза выше зарегистрированной безработицы.

Не всегда адекватна и динамика показателей зарегистрированной безработицы. В Ингушетии кризис сопровождался сокращением зарегистрированной безработицы, а начало выхода из кризиса – ее ростом (табл. 1.5). В Чечне в острой фазе кризиса (первая половина 2009 г.) зарегистрированная безработица также сокращалась. В остальных республиках Северного Кавказа в период кризиса не произошло заметного роста зарегистрированной безработицы и безработицы по МОТ. Низкая чувствительность к кризисам – типичная реакция проблемных рынков труда с устойчиво высокой безработицей. Только в Чечне на стадии выхода из кри-

зиса сокращение уровня безработицы было значительным. Возможно, это следствие возросших бюджетных инвестиций в республику.

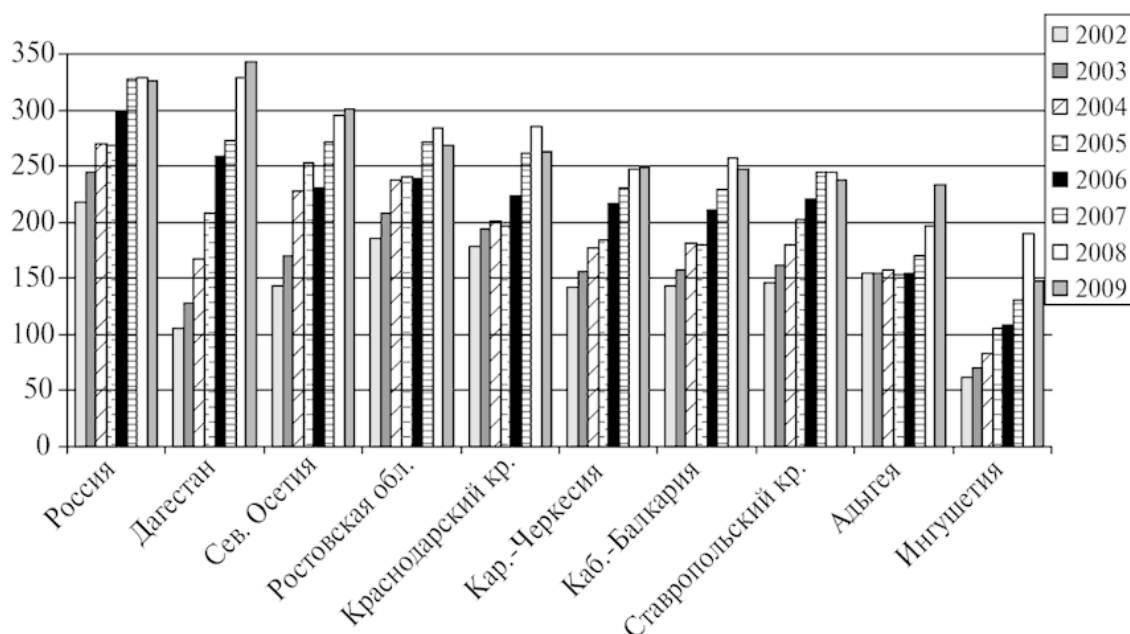
Таблица 1.5. Уровень зарегистрированной безработицы, %

	2008 г.	апр. 2009 г.	сент. 2009 г.	фев. 2010 г.	сент. 2010 г.
Россия	2,0	3,0	2,7	3,1	2,1
Республика Адыгея	3,1	4,7	3,2	3,4	2,1
Республика Дагестан	3,6	4,0	3,8	3,8	3,4
Республика Ингушетия	23,0	15,4	19,4	22,3	22,0
Кабардино-Балкарская Республика	5,9	6,9	5,7	5,7	3,3
Карачаево-Черкесская Республика	2,6	3,6	3,8	3,4	3,3
Республика Северная Осетия–Алания	3,1	4,2	3,4	4,5	3,8
Чеченская Республика	63,2	61,6	55,0	59,3	48,3

Данные статистики занятости не включают трудовую миграцию, а именно этот сегмент рынка труда более всего пострадал в период кризиса. Многие жители Северного Кавказа не смогли в 2009 г. найти работу за пределами своей республики и из «фиктивных» безработных стали реальными. Однако показать эти изменения в количественном выражении невозможно, подобных данных не существует.

Таким образом, состояние рынка труда большинства республик, за исключением Ингушетии и Чечни, улучшилось за период экономического роста 2000-х гг. Кризисного роста безработицы не произошло, поскольку основная часть легальных рабочих мест приходится на более устойчивые сектора экономики – бюджетную сферу и сельское хозяйство, а масштабы самозанятости измеряются плохо. В реальной жизни проблем стало больше, так как в кризис сократились возможности трудовой миграции за пределы республик.

За 2000-е гг. существенно выросли денежные доходы населения, и даже в кризисном 2009 г. рост доходов продолжался (за исключением все той же Ингушетии). Однако оценки уровня жизни в республиках Северного Кавказа – весьма рискованное занятие. Российская статистика не очень точно оценивает доходы населения в региональном разрезе, а в республиках юга России проблемы усугубляются более значительными масштабами неформальной занятости и теневых доходов. Наименее достоверны статистические данные по Республике Дагестан, где отношение душевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму уже превысило средний показатель по стране (рис. 1.6). Это означает, что по покупательной способности доходов населения Дагестан не только опережает все регионы Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, но и, например, Самарскую и Сахалинскую области. Поверить в это крайне трудно.

Рис. 1.6. Отношение душевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму в регионе в 2002–2009 гг., %

Судя по всему, для некоторых республик Росстат использует особую методику дооценки теневых доходов. Так, более половины доходов населения Дагестана (54 %) отнесено к скрытой заработной плате (это самая высокая доля среди регионов, в среднем по РФ – 26 %), еще почти четверть – к предпринимательским доходам (в среднем по РФ – 10 %), а доля социальных выплат составляет только 10 % доходов населения, что ниже среднего по стране, хотя республика является слаборазвитой (табл. 1.6). В слаборазвитой Ингушетии доля скрытой заработной платы в доходах почти так же высока (48 %), еще 13 % дают предпринимательские доходы, а доля социальных выплат выше (17 %). Показатели доходов населения Чечни вообще не публикуются. Таким образом, для наиболее проблемных республик в 2000-е гг. стала применяться система очень существенной дооценки теневых доходов, это подтверждает резкий рост доли «других доходов» за 2000–2008 гг. (табл. 1.6). В Адыгее структура расходов значительно ближе к средней по стране, корректировки Росстата на теневые доходы более умеренные и стабильные. Остальные три республики занимают промежуточное положение: в Кабардино-Балкарии неадекватно высока доля предпринимательских доходов, в Карачаево-Черкесии и Северной Осетии вызывает вопросы значительный рост дооценок (доли «других доходов»). Таким образом, дифференция душевых денежных доходов населения республик во многом определяется статистической дооценкой теневых доходов.

При столь низкой достоверности статистики оценивать уровень и динамику доходов населения республик Северного Кавказа практически невозможно. В значительной степени это фиктивные цифры. Даже в Адыгее, вызывающей меньше сомнений в точности измерения доходов, их соотношение с прожиточным минимумом (рис. 1.6) выглядит очень странно – покупательная способность доходов населения республики не росла в течение всей первой половины 2000-х гг. Лучше честно признать невозможность точных оценок денежных доходов населения северокавказских республик из-за дефектов статистики, чем придумывать неадекватные объяснения их различий.

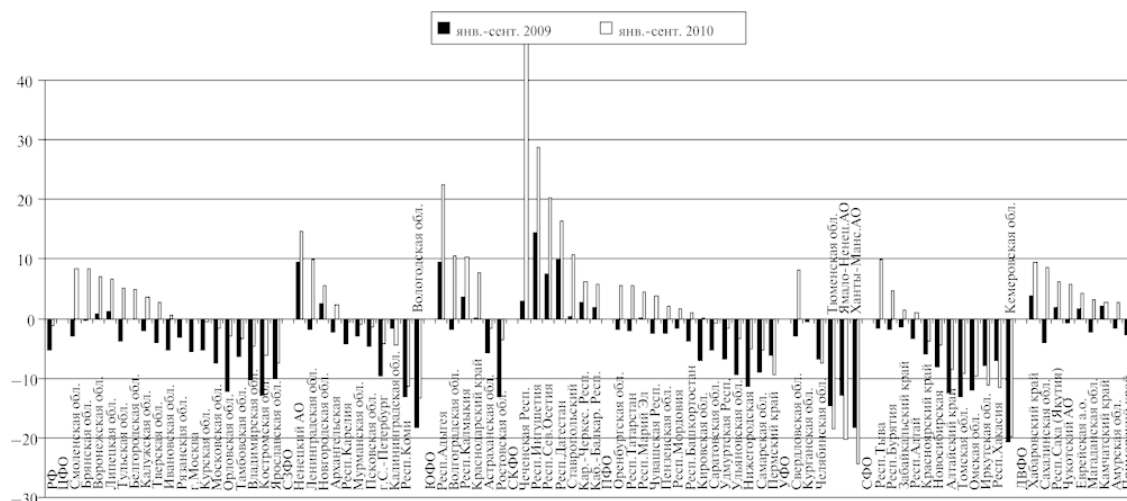
Таблица 1.6. Структура доходов населения, %⁵

⁵ * Включая скрытую оплату труда.

	Доходы от предпри- мательской деятельности	Оплата тру- да	Социальные выплаты	Доходы от собственно- сти	Другие доходы*	
	2008 г.	2008 г.	2008 г.	2008 г.	2008 г.	2000 г.
Российская Федерация	10	45	13	6	26	28
Краснодарский край	15	36	14	8	27	30
Ставропольский край	14	35	16	3	31	30
Республика Северная Осетия – Алания	19	30	17	2	32	23
Республика Адыгея	11	34	20	2	33	37
Кабардино-Балкарская Республика	28	21	13	2	37	34
Карачаево-Черкесская Республика	16	27	17	3	37	26
Республика Ингушетия	12	33	15	3	38	29
Республика Дагестан	13	21	17	1	48	28

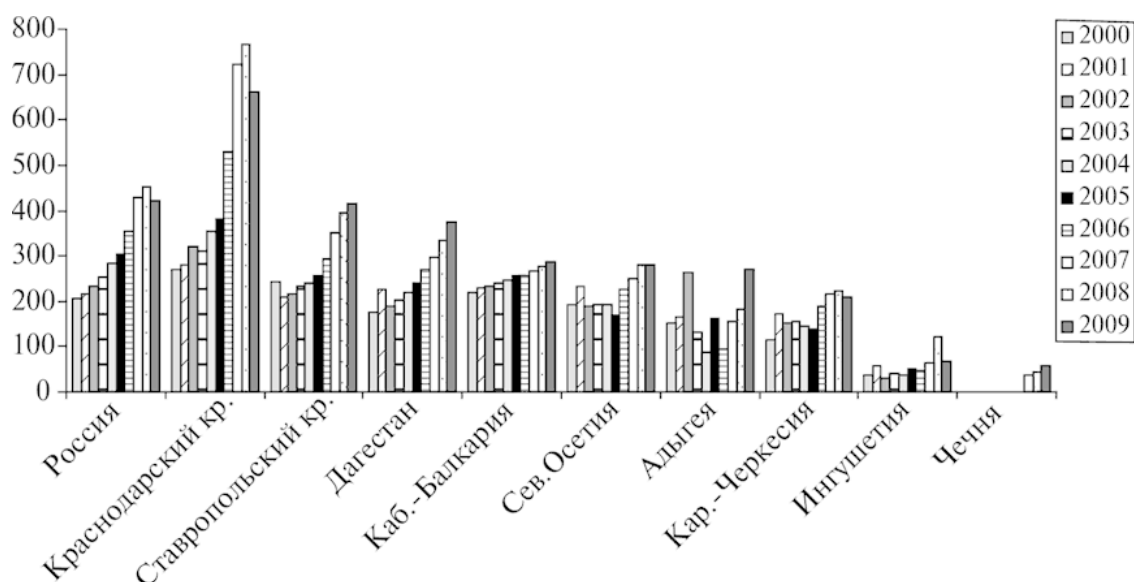
Традиционным способом косвенной оценки доходов населения служат показатели оборота розничной торговли, стоимости жилья, объемов жилищного строительства и владения движимым имуществом, например автомобилями.

Первый из них подтверждает, что кризис не отразился на уровне жизни населения республик, поскольку главными источниками дохода являются бюджетные средства (объемы федеральных трансфертов выросли) и доходы от личного хозяйства. На фоне других регионов России республики Северного Кавказа имели самые высокие темпы роста оборота розничной торговли по сравнению с докризисным периодом (рис. 1.7).

Рис. 1.7. Динамика оборота розничной торговли в регионах РФ, к янв. – сент. 2008 г., %

Если верить остальным косвенным индикаторам, то население республик Северного Кавказа небогато. Статистика стоимости квадратного метра жилья в половине республик отсутствует, а там, где она есть, показатели в два-три раза ниже средней стоимости по России (Адыгея – 61 % от средней стоимости, Дагестан – 52 %, Северная Осетия – 43 %, Карачаево-Черкесия – 29 %). Измеряемый статистикой объем жилищного строительства также невелик, но следует учитывать нежелание собственников оформлять ввод жилья в эксплуатацию, чтобы избежать выплаты налогов, а также очень высокие коррупционные барьеры процедуры ввода. В республиках Северного Кавказа от 75 до 100 % жилья строится населением за счет собственных и заемных средств (в среднем по РФ – 42 %), а индивидуальное строительство часто ведется с нарушениями законодательства (самозахват земель, отсутствие разрешений на строительство и др.). В результате показатели ввода жилья в расчете на 1000 чел. во всех республиках, за исключением Дагестана, значительно ниже средних по стране (рис. 1.8). В кризисном 2009 г. объемы ввода жилья в большинстве республик не сократились (за исключением Ингушетии), что подтверждает статистические данные о продолжавшемся росте доходов населения республик в 2009–2010 гг. благодаря федеральной поддержке.

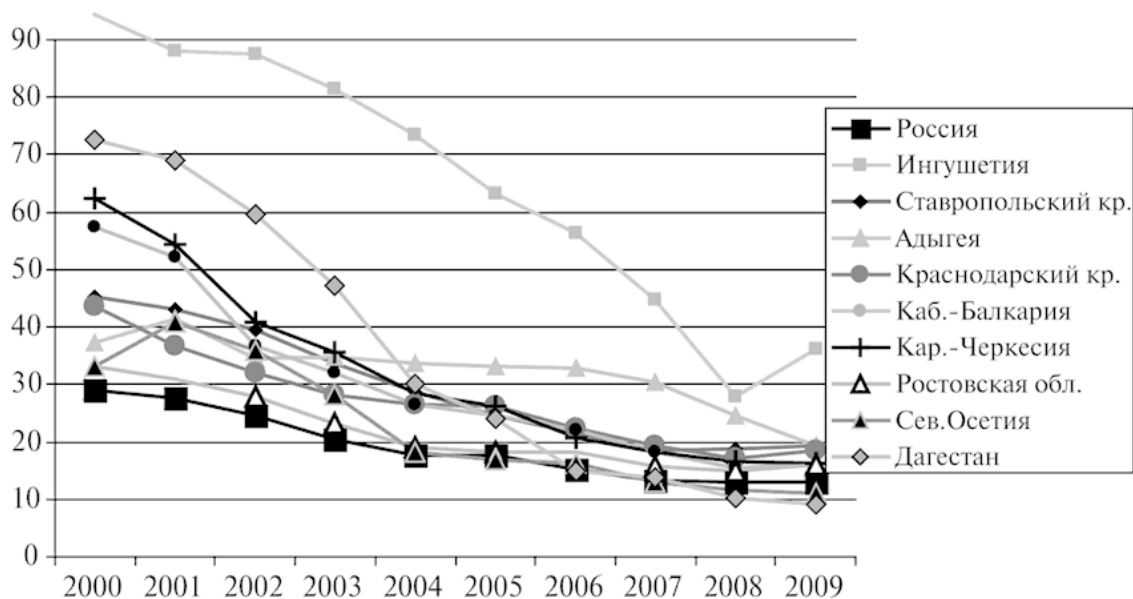
Рис. 1.8. Ввод жилья в 2000–2009 гг., кв. м на 1000 чел.

Еще один индикатор – обеспеченность легковыми автомобилями, и он также показывает невысокий уровень доходов жителей почти всех республик Северного Кавказа, за исключением Адыгеи (табл. 1.7). Однако следует учитывать, что часть легковых автомобилей используется по доверенности и может быть зарегистрирована в других регионах России.

Таблица 1.7. Обеспеченность легковыми автомобилями на 1000 чел.

	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	Место в РФ
Российская Федерация	59	131	169	214	
Южный ФО	70	118	147	181	7
<i>Краснодарский край</i>	81	162	197	239	12
Республика Адыгея	103	154	168	219	23
<i>Ставропольский край</i>	79	136	176	206	31
Карачаево-Черкесская Республика	76	93	137	177	63
Республика Северная Осетия–Алания	68	109	142	175	64
Кабардино-Балкарская Республика	73	95	108	139	75
Республика Ингушетия	50	57	58	89	80
Чеченская Республика	50	...	48	70	81
Республика Дагестан	37	47	55	68	82

Проблемы достоверности велики и в измерении уровня бедности населения, поэтому к показателям также нужно относиться с осторожностью. Яркий пример – Дагестан, где уровень бедности за восемь лет сократился с 73 до 9 %, опередив средний по стране (рис. 1.9). Главная причина – рост статистических дооценок доходов населения. В других республиках динамика показателя в период экономического роста была не столь резкой, а достигнутый уровень бедности (10–20 %) ставит их в один ряд с «русскими» регионами Юга. То же можно сказать и о покупательной способности доходов. Судя по статистике, теперь республики и другие регионы юга России сопоставимы как по денежным доходам населения, так и по степени неравенства в доходах. В кризисном 2009 г. статистика не зафиксировала роста уровня бедности в большинстве республик, за исключением Ингушетии (рис. 1.9). Поддерживающую роль сыграл рост федеральных трансфертов и выплат социальных пособий населению.

Рис. 1.9. Уровень бедности в регионах, %

Из анализа прямых и косвенных индикаторов доходов можно сделать следующие выводы:

- население республик Северного Кавказа, за исключением Ингушетии (данные по Чечне отсутствуют), в соответствии со статистикой, уже не является более бедным, чем жители «русских» регионов Юга, хотя отчасти это достигнуто путем статистических дооценок денежных доходов в республиках;
- благодаря федеральной поддержке республики отличаются высокими темпами роста доходов населения (кроме Ингушетии) и потребления, в том числе и в период кризиса;
- в то же время косвенные индикаторы показывают невысокий уровень доходов, однако следует учитывать значимый вклад институциональных факторов в занижение показателей ввода жилья, обеспеченности автомобилями и др.;
- низкая достоверность статистики не позволяет выявить реальный уровень доходов населения и их дифференциацию, особенно в Ингушетии и Дагестане, однако общий тренд опережающего роста доходов по сравнению со средним по стране в целом достоверен.

1.4. Состояние бюджетов республик: высокая дотационность обеспечивает стабильность

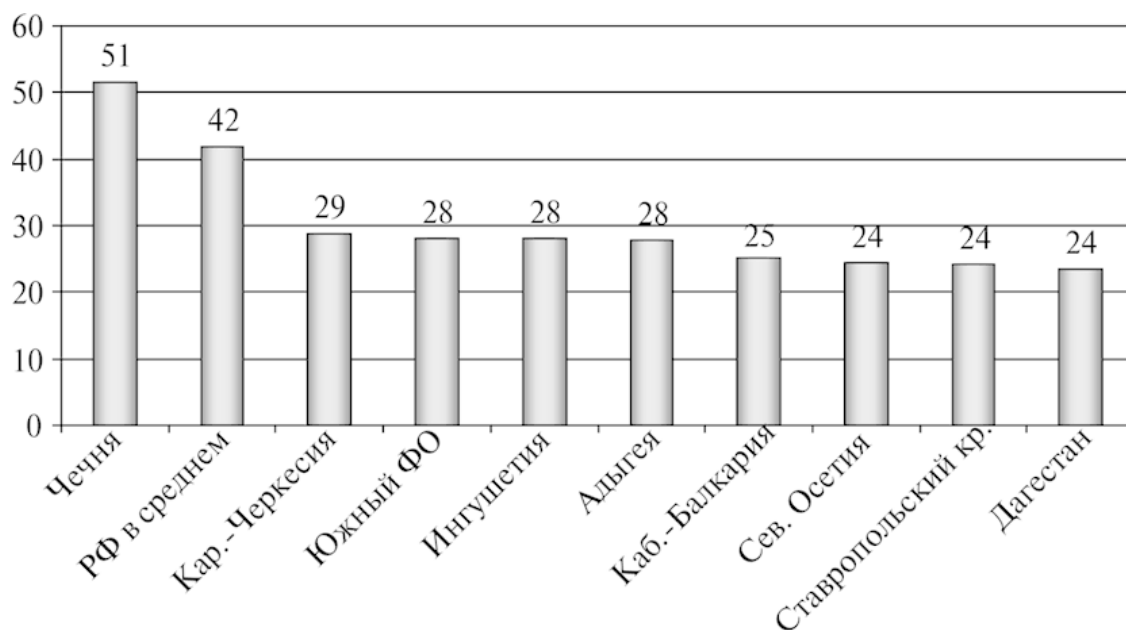
Республики Северного Кавказа относятся к высокодотационным, особенно велика федеральная поддержка Ингушетии и Чечни – более 90 % доходов консолидированного бюджета (табл. 1.8). В острой фазе кризиса доля федеральных трансфертов в доходах консолидированных бюджетов республик оставалась стабильно высокой, но в 2010 г. в рамках общего сокращения объема федеральных трансфертов она немного снизилась. При этом в наиболее политически проблемных Ингушетии и Чечне объем трансфертов сохранился, а в Карачаево-Черкесии даже вырос.

Таблица 1.8. Доля трансфертов из федерального бюджета в доходах консолидированных бюджетов республик Северного Кавказа в 2008–2010 гг. и динамика объема трансфертов, %

	Доля трансфертов			Динамика	
	2008 г.	2009 г.	январь-август 2010 г.	2009 г. к 2008 г.	январь-август 2010 г. к 2009 г.
Республика Ингушетия	91	91	90	113	104
Чеченская Республика	91	91	89	101	99
Республика Дагестан	73	79	75	132	91
Карачаево-Черкесская Республика	71	71	69	116	115
Республика Северная Осетия–Алания	72	67	63	78	88
Республика Адыгея	62	63	59	116	88
Кабардино-Балкарская Республика	57	57	58	117	92
В среднем по регионам РФ	19	27	25	134	97

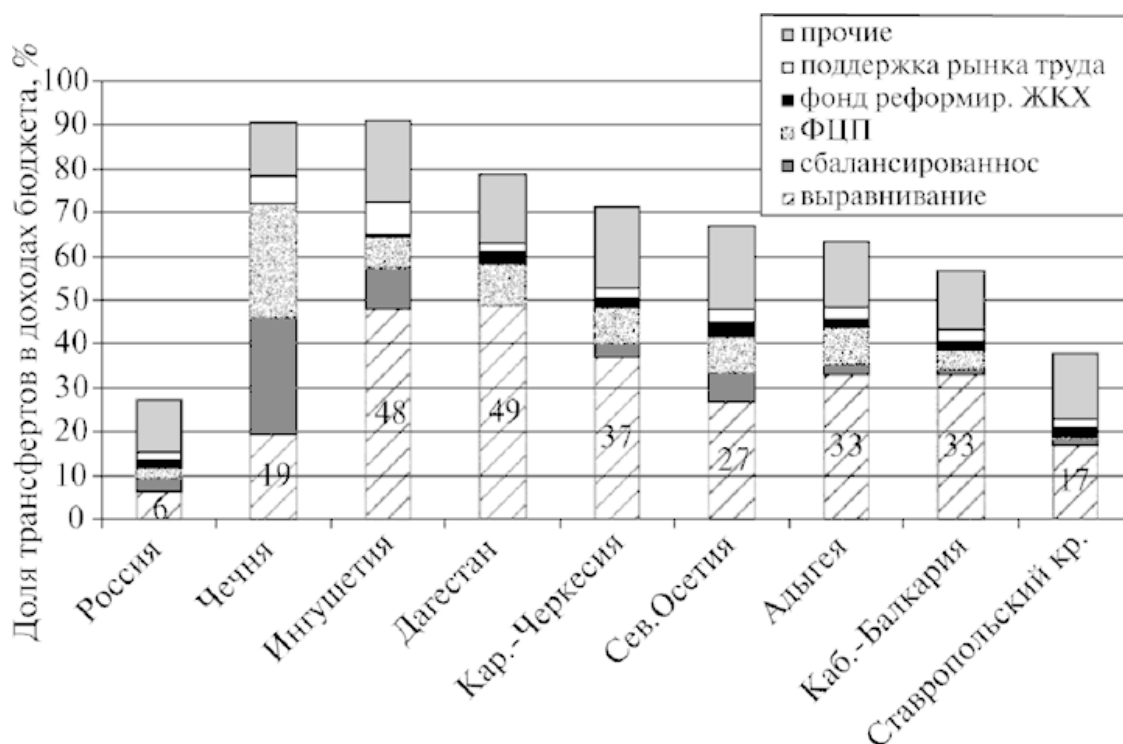
Поддержка республик Северного Кавказа сильно дифференцирована, и в основе этой дифференциации лежат не экономические, а политические факторы. Безусловным лидером является Чечня, благодаря огромным федеральным трансфертам ее бюджет (61 млрд руб.) сравним с бюджетом Ставропольского края, население которого в два раза больше. В результате душевые доходы

бюджета Чечни существенно превышают средние по регионам РФ и намного выше показателей других регионов Северокавказского и Южного федеральных округов (рис. 1.10).

Рис. 1.10. Душевые доходы консолидированного бюджета региона в 2009 г., тыс. руб.

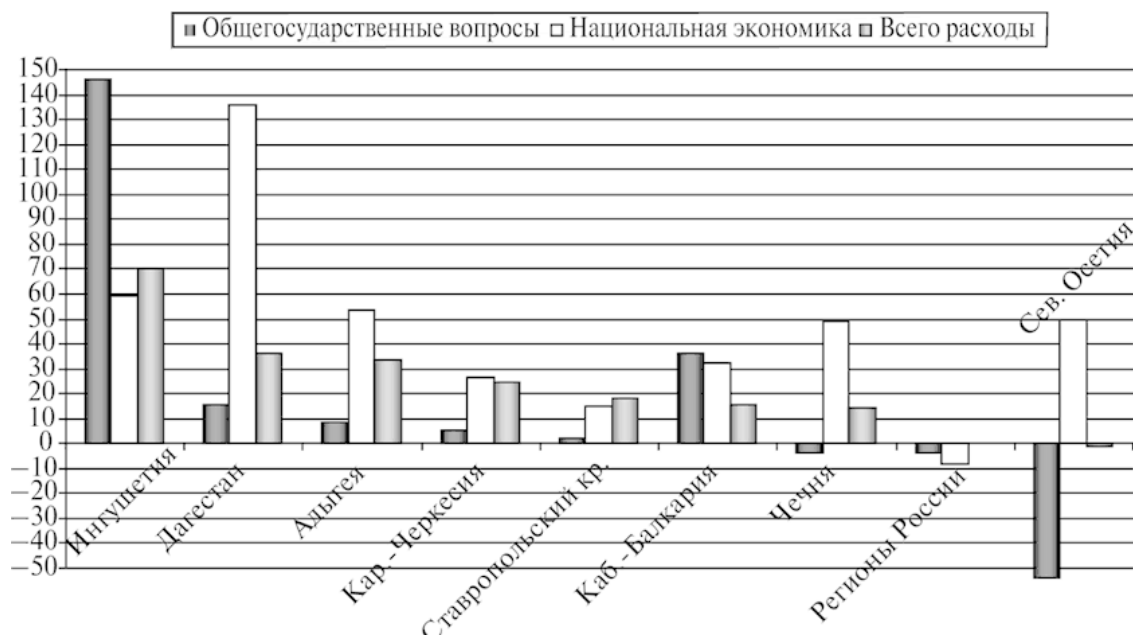
Федеральная помощь Чечне осуществляется в режиме «ручного управления»: помимо определяемых по формуле трансфертов на выравнивание бюджетной обеспеченности республика получает гораздо большие по объему дотации на сбалансированность и субсидии на реализацию ФЦП (рис. 1.11). Именно благодаря этим «добавкам», которые определяются по непрозрачным правилам, бюджет Чечни достиг столь больших размеров. В последнее время такая же политика проводится федеральным центром и в отношении Ингушетии, хотя и в меньшем масштабе: республика получает повышенные дотации на сбалансированность и трансферты (субсидии и субвенции) на поддержку рынка труда. Остальные республики, помимо дотаций на выравнивание, имеют заметные добавки к бюджетам в виде средств ФЦП. Кроме того, через бюджет Северной Осетии в виде дотаций на сбалансированность проходила часть средств на восстановление Южной Осетии, но этот скрытый канал финансирования сократился и замещается другими. В целом ни одна из республик Северного Кавказа не может сравниться с Чечней по масштабам поддержки из федерального бюджета.

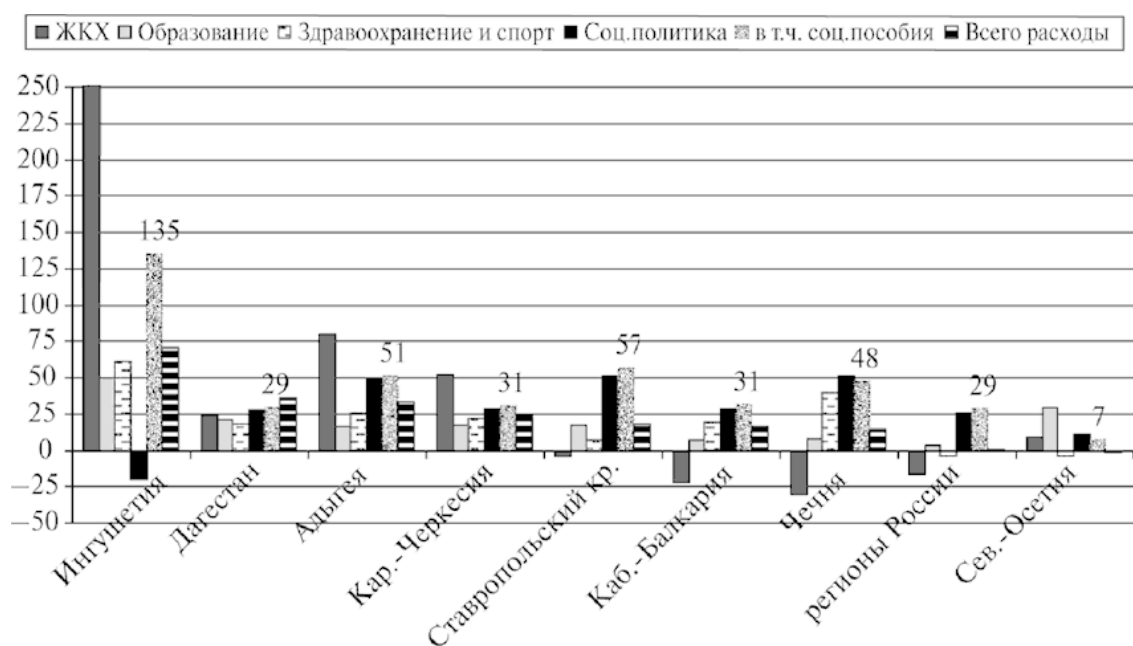
Рис. 1.11. Доля и структура трансфертов из федерального бюджета, % от всех доходов консолидированного бюджета региона в 2009 г.

При больших масштабах федеральной поддержки неизбежно встает вопрос об эффективности расходов бюджетов республик. Один из индикаторов – динамика расходов бюджетов на разные цели. Расчеты динамики расходов за 2008–2009 гг. показывают, что рост доходов консолидированного бюджета Ингушетии привел к вдвое более быстрому росту расходов на управление (общегосударственные вопросы), в Кабардино-Балкарии рост по этой статье также в два раза превышал рост общих расходов бюджета (рис. 1.12). Значительное сокращение расходов по этой статье в бюджете Северной Осетии объясняется не ростом эффективности, а изменением каналов финансирования Южной Осетии. Благодаря росту федеральных трансфертов в 2009 г. во всех республиках выросли инвестиционные расходы (на национальную экономику), особенно в Дагестане, Ингушетии и Чечне. Государство почти полностью замещает бизнес в развитии самых проблемных регионов вместо того, чтобы улучшать институты и инвестиционный климат. Вряд ли такая стратегия эффективна.

Второй ракурс – изменение социальных расходов и расходов на ЖКХ (рис. 1.13). Дополнительные средства, полученные в 2009 г. из федерального бюджета, расходовались республиками по-разному. Лидерами по росту расходов на ЖКХ стали Ингушетия (рост почти в 4 раза), Адыгея (на 80 %) и Карачаево-Черкесия (на 52 %), но эффективность этих расходов – под большим вопросом. Все республики увеличили расходы на образование и здравоохранение (кроме Северной Осетии), что можно рассматривать как позитивный тренд, поскольку душевые расходы на эти цели исходно очень низки. Лидером по динамике расходов, как и в целом по стране, оказалась социальная политика и, особенно, выплаты пособий населению, прежде всего в Чечне и Адыгее. Те же тренды типичны и для «русских» регионов, в том числе для Ставропольского края. Особая ситуация в Ингушетии, где объем расходов на социальную политику в 2009 г. уменьшился на четверть, но выплаты пособий населению выросли в 2,3 раза. Это следствие наведения элементарного порядка в бюджетных расходах и повышения доли выплат социальных пособий с 30 до 88 % от всех расходов на социальную политику.

Рис. 1.12. Динамика несоциальных расходов и всех расходов консолидированного бюджета региона, 2009 г. к 2008 г., %

Рис. 1.13. Динамика социальных расходов и расходов на ЖКХ консолидированного бюджета региона, 2009 г. к 2008 г., %

В целом бюджетная политика властей республик Северного Кавказа, особенно Ингушетии, не вполне совпадала с общими для регионов России тенденциями. Во-первых, полученные дополнительные средства из федерального бюджета более активно расходовались на развитие образования, здравоохранения и на поддержку ЖКХ (в некоторых регионах). Во-вторых, расходы на государственное управление в большинстве республик Северного Кавказа также быстро росли, в отличие от общероссийского тренда их сокращения. В результате рост бюджетных расходов на развитие человеческого капитала сочетался с ростом неэффективных расходов на бюрократию.

В январе-августе 2010 г., несмотря на сокращение объема федеральных трансфертов в большинстве республик, расходы их бюджетов выросли, за исключением Чечни и Дагестана (табл. 1.9).

Таблица 1.9. Динамика расходов консолидированных бюджетов республик в январе-августе 2010 г., % к аналогичному периоду 2009 г.

	Всего рас- ходы	Общего- сударст. вопросы	Нацио- нальная экономика	ЖКХ	Образо- вание	Здравоох- ражение и спорт	Социаль- ная политика	В т.ч. соци- альн. выплаты
Регионы РФ	106	102	97	95	108	102	121	125
Республика Ингушетия	109	102	171	75	135	101	122	128
Карачаево- Черкесская Республика	108	98	114	56	113	100	161	172
Республика Адыгея	102	89	93	71	111	99	118	122

Кабардино- Балкарская Республика	102	96	78	108	108	112	112	113
Республика Северная Осетия–Алания	101	54	102	102	98	125	125	129
Республика Дагестан	98	102	65	85	110	94	114	115
Чеченская Республика	97	113	65	99	121	86	106	106

Во всех республиках продолжали расти расходы на социальную политику, почти везде – на образование (за исключением Северной Осетии) и только в половине – на здравоохранение. Основным способом оптимизации стало сокращение расходов на ЖКХ и инвестиционных расходов на национальную экономику, причем более сильное, чем в целом по регионам страны. Только Ингушетия и Карачаево-Черкесия, получившие в 2010 г. дополнительные трансферты, продолжали наращивать инвестиционные расходы бюджета. В целом социальная ориентация бюджетов республик выросла, но с сильной «иждивенческой» составляющей в виде наиболее быстро растущих социальных выплат.

Таким образом, республики Северного Кавказа, причем не все, только в 2010 г. столкнулись с более жесткими бюджетными ограничениями. Для Ингушетии, бюджетные расходы которой наиболее неэффективны (рост расходов на госуправление – в 2,5 раза за 2009 г., на ЖКХ – почти в 4 раза), дополнительные федеральные трансферты позволили сохранять такую политику и в 2010 г. Дополнительные федеральные трансферты, полученные Ингушетией и Карачаево-Черкесией в 2010 г., стимулировали рост двух видов расходов – инвестиционных и

на социальные выплаты. В остальных республиках сокращение федеральной помощи привело к первоочередному урезанию расходов на ЖКХ и инвестиции, затем на здравоохранение. При этом почти не сокращались расходы на государственное управление и продолжали расти расходы на социальные пособия.

Глава 2. Модернизация на Северном Кавказе: постановка проблемы

2.1. Знаем ли мы, что такое модернизация?

Если попытаться одним словом охарактеризовать основное направление политики государства в отношении Северокавказского региона, то подобным словом, без сомнения, будет «модернизация». Именно с данным процессом связывается решение основных проблем региона: депрессивной экономики, низких доходов населения, распространения экстремизма и т. п. В этом контексте возникает необходимость понять, какой смысл вкладывается в понятие «модернизация», какие изменения в развитии общества она подразумевает. На самом деле данный вопрос не имеет тривиального ответа.

В общественных науках термин «модернизация» не имеет общепринятого значения. В целом не вызывает сомнения, что модернизация связана с движением от традиционного общества к современному, однако столь общее определение вряд ли дает возможность существенно продвинуться в понимании характера рассматриваемого процесса. Анализ подходов к изучению данного явления позволяет выделить две тенденции в определении термина «модернизация».

С одной стороны, модернизацию пытаются определить через набор отдельных характеристик тех изменений, которые связываются с движением к современному обществу в различных сферах. Соответственно выделяют технологическую, экономическую, культурную и другие виды модернизации. Приведем пример подобного определения: «Модернизация – комплексное, многомерное изменение, охватывающее шесть областей. В экономике наблюдаются: 1) появление новых технологий; 2) эволюция сельского хозяйства от источника средств существования семьи к работе на рынок; 3) переход от использования мускульной силы человека и животных к «неодушевленной» энергии и механизмам; 4) распространение городских типов поселений и пространственная концентрация рабочей силы. В политическом устройстве модернизация означает переход от власти вождя к избирательному праву, политическим партиям и демократическим институтам, в сфере образования – ликвидацию неграмотности, рост ценности знаний и квалифицированного труда, в религиозной области – освобождение людей от влияния церкви, в сфере семейно-брачных отношений – ослабление внутрисемейных связей и все большая функциональная специализация семьи, в области стратификации – усиление значения мобильности, индивидуального успеха и ослабление предписаний в зависимости от занимаемого положения»⁶. Такой подход дает достаточно комплексное представление о рассматриваемом явлении, однако не позволяет разделить его сущностные и производные характеристики. Так, остается открытым вопрос, можно ли считать модернизацией процесс, где присутствуют некоторые из предлагаемых признаков и отсутствуют другие. И какие из характеристик данного процесса являются критически важными.

С другой стороны, есть достаточно много общих определений модернизации, причем в зависимости от контекста этот термин используется в различных смыслах. Ряд авторов пытались систематизировать значение данного термина. Одной из наиболее удачных попыток представляется следующая: «В первом, общем смысле, модернизация – это синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед соответственно принятой шкале улучшений. Вторым смыслом, который вкладывается в данное понятие, тождествен

---

⁶ Smelser N.J. Processes of social change // N.J. Smelser (ed.). Sociology. An Introduction N.Y. Wiley, 1973 [1967] P. 747–748.

«современности», т. е. означает комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций, происходивших на Западе с XVI в. и достигших своего апогея в XIX–XX вв. Сюда включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, бюрократизации, демократизации, доминирующего влияния капитализма, распространения индивидуализма и мотивации успеха, утверждения разума и науки и многие другие. Наконец, есть еще одно специфическое значение термина «модернизация», относящееся только к отсталым или слаборазвитым обществам и описывающее их усилия, направленные на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества»¹.

Подобная многозначность термина приводит к тому, что модернизации приписывают совершенно различные, часто противоположные свойства. Это относится, в частности, к временным характеристикам модернизационного процесса. Сравним два противоположных подхода к данному вопросу. Первый: «Модернизация – исторически ограниченный процесс, узаконивающий универсальную целесообразность лишь ограниченного набора институтов и ценностей современности: демократию, рынок, образование, разумное администрирование, самодисциплину, трудовую этику»⁷. Второй: «Процесс модернизации – перманентная революция, не имеющая предустановленной конечной цели. Модернизация включает в себя разнообразие моделей, подверженных переменам»⁸. Таким образом, в рамках первого определения данный процесс рассматривается как достаточно ограниченный и частный. В этом случае он обычно ассоциируется с трансформацией аграрных обществ в индустриальные и отражает изменения во всех сферах жизни общества, связанные с индустриализацией экономики. Во втором случае он становится глобальным и всеобъемлющим, характеризуя общий тренд развития цивилизации в целом. Естественно, в таком контексте он не может однозначно связываться лишь с индустриализацией. В связи с этим некоторые исследователи выделяют различные стадии модернизационного процесса. «Первая фаза модернизации – это процесс масштабной трансформации от аграрного к индустриальному обществу, экономике и цивилизации; вторая фаза модернизации – это процесс масштабной трансформации от индустриализма к обществу, экономике и цивилизации знаний...»⁹. Впрочем, модернизацию не всегда связывают с доминированием того или иного сектора экономики. Она может трактоваться и как универсальный процесс повышения производительности вне зависимости от того, в каких сферах он осуществляется: «Не важно, является ли экономика страны сельскохозяйственной, сервисной или производственной. Важна способность страны к эффективной организации исходя из той предпосылки, что производительность определяет процветание граждан»¹⁰.

Однако основной вопрос, связанный с пониманием модернизации, и основной конфликт, разворачивающийся вокруг этого термина, определяются тем, трактуется ли модернизация как процесс сведения всего многообразия социальных и культурных ценностей к единой модели, обеспечивающей общественный прогресс, либо траектории модернизации могут быть множественными и отражать несовпадение системы ценностей в различных регионах и государствах. До сих пор эта проблема в науке не имеет однозначного решения, что хорошо видно и из приведенных выше определений модернизации. Часть из них однозначно отражает трансформацию, ведущую к единообразной западной модели, фактически ставя равенство между понятиями «модернизация» и «вестернизация». В других просматривается ориентация на внутреннюю

⁷ Там же. С. 184.

⁸ *Джермани Дж.* Основные характеристики процесса модернизации (Энциклопедия «Британика»)// Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия /сост. Б. С. Ерасов. М.: Аспект-пресс, 1999. С. 464.

⁹ *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 169.

¹⁰ *Porter M.E.* Attitudes, Values, Beliefs, and the Microeconomics of Prosperity // L.E. Harrison, S.P. Huntington (ed.). Culture matters: how values shape human progress. N.Y.: Basic Books, 2000. P. 16.

систему ценностей, принятую в том или ином обществе шкалу улучшений, разнообразие моделей.

Исторически представление о модернизации как переходе к господству западной системы ценностей имело существенную поддержку в объективных процессах экономического развития. Именно США и Западная Европа (прежде всего ее протестантская часть) были первыми странами, вставшими на траекторию экономического роста, совершившими качественный цивилизационный скачок, обеспечившими быстрое развитие экономики и повышение жизненных стандартов. Отражением этого стало становление научного направления (структурный функционализм), в рамках которого:

- современное общество противопоставлялось традиционному, причем последнее рассматривалось как препятствие экономическому развитию;
- процесс развития рассматривался как движение к прогрессу через общие для всех обществ эволюционные стадии;
- декларировалась потребность стран «третьего мира» в силах, способствующих уходу от традиции;
- в качестве таких преобразующих сил рассматривались либо внутренние – модернизаторские элиты, либо внешние – иностранный капитал, внедрение новых моделей образования;
- современные страны «третьего мира» трактовались как дуалистичные общества, обладающие дуалистичной экономикой: частично – традиционной, частично – модернизированной (в первую очередь в городах);
- результат модернизации рассматривался как становление во всех странах единой модели, характерной для Западной Европы и США.

Особенно активно унификационная роль модернизации подчеркивалась в работах Самуэля Хантингтона: «Модернизация – это процесс, ведущий к однородности. Если традиционные общества невероятно разнообразны и объединяет их только отсутствие современных черт, то современные общества обладают одинаковым набором основных качеств. Модернизация порождает тенденцию к сходству обществ»¹¹.

Естественно, подобные подходы, основывающиеся на представлениях о безусловном приоритете западных ценностей и западных моделей развития, получили отклик не только в научном, но и в политическом пространстве. Утверждалось, что за теорией модернизации стояли как политические, так и идеологические интересы. Западные страны обвинялись в том, что их гегемония не позволила развиваться собственным, внутренне присущим странам «третьего мира» моделям, обрекая эти страны на зависимое положение¹². Отмечалась важность и самоценность каждой отдельной культуры и невозможность «расставлять оценки» различным системам ценностей¹³. Однако, наряду с идеологическими и морально-этическими выступлениями против подобного подхода, возникли и содержательные аргументы.

Представляется, что основные из них можно свести к двум. Во-первых, попытки проведения модернизации в странах «третьего мира» как извне (например, с помощью международных организаций, стимулирующих развитие), так и изнутри далеко не всегда оказывались успешными, а часто имели прямо противоположный эффект. Во-вторых, сейчас западный мир не является единственным регионом, прошедшим модернизацию. К нему присоединились «азиатские тигры» – страны с существенно отличной системой ценностей, традиций, институтов: страны, базовой религией в которых является конфуцианство.

¹¹ He Chuanqi. The Model and Principle of the Modernization // Proceedings of International Conference on Geoinformatics and Modeling Geographical Systems & Fifth International Workshop on GIS, Beijing, 2nd-4th April, 2004. Beijing: High Education Press, 2004. P. 2.

¹² Huntington S.P. The change to change: modernization, development and politics / C.E. Black (ed.). N.Y.; L., 1976. P. 31.

¹³ Lawrence E.H. Why culture matters // L.E. Harrison, S.P. Huntington (ed.). Culture matters: how values shape human progress. P. xxv.

Что касается практики стимулирования модернизации извне, то вряд ли что-то может сравниться с ее описанием в книге Уильяма Истерли «В поисках роста: приключения и злоключения экономистов в тропиках», где автор анализирует собственный опыт и опыт своих коллег по Всемирному банку в предоставлении помощи слаборазвитым странам: «За последние пятьдесят лет экономисты часто полагали, что им наконец-то удалось найти верный подход к проблеме экономического роста. Все началось с мысли о необходимости предоставлять иностранную помощь для заполнения разрыва между «требуемыми» инвестициями и собственными накоплениями государства. Даже после того как некоторые из нас отказались от этой лишенной гибкости концепции..., инвестиции в средства производства по-прежнему казались нам ключом к экономическому росту. Эту идею дополняло представление о том, что образование является формой накопления «человеческого капитала», который, в свою очередь, обеспечит рост. Кроме того, обеспокоенные тем, что наличие «избыточного» населения может подорвать возможности роста экономики, мы выступали за контроль над рождаемостью. А затем, осознав, что росту экономики может препятствовать государственная политика, мы выступали за предоставление официальных займов, которые заставляли бы правительство проводить политику реформ. ...Ни одно из этих средств не сработало так, как мы ожидали...»¹⁴ Анализ, представленный в книге Истерли, показывает, что отдельные, стимулирующие развитие слаборазвитых стран проекты международных организаций были успешными, во многих случаях они не оказывали никакого позитивного влияния, но были и примеры гораздо более негативные, когда недоучет национальных, религиозных либо культурных особенностей страны приводил к обострению конфликтов, и экономическое положение ухудшалось.

Классическим примером провала модернизации, инициатором которой выступала собственная (хотя и поддерживаемая извне) модернизационная элита, является ситуация в Иране, где в течение достаточно длительного времени экономический рост носил беспрецедентный характер, вызывая существенные социальные сдвиги. Так, темпы роста экономики в 1962–1970 гг. составили 8 %, в 1972–1973 гг. – 14 %, 1973–1974 гг. – 30 % в год. Доля городского населения увеличилась примерно с 28 % в 1950 г. до 47 % в 1976 г. За 20 лет доля крестьян и сельскохозяйственных рабочих в общей численности занятых уменьшилась с 60 % почти до 30 %¹⁵. А в 1979 г. в Иране произошла исламская революция, приведшая к установлению в стране религиозного политического режима, отрицающего любые попытки модернизационного развития.

Противники трактовки модернизации как «вестернизации» видят в подобных примерах подтверждение того, что недоучет культурной специфики различных стран и навязывание им единой универсальной модели приводят к провалу модернизационных проектов. Можно согласиться с тем, что культурные факторы действительно сыграли определенную роль в получении подобных неутешительных результатов. Однако нет доказательств того, что их роль была решающей. Так, например, Истерли приводит другое, чисто экономическое объяснение описываемым им неудачам: «не у всех лиц, которые могли бы повлиять на экономический рост, были нужные стимулы»¹⁶. Что касается Ирана, то последствия модернизации в нем вполне укладываются в универсальную тенденцию, характерную для модернизационных процессов: периоды быстрого экономического роста и существенных социальных сдвигов чреваты революционными потрясениями¹⁷. Причем это подтверждается многочисленными примерами вне

¹⁴ Обзор позиций по вопросу о теории модернизации см.: Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь. М.: Вече Аст, 2001.

¹⁵ Mcdaniel T. Autocracy, Modernization, and Revolution in Russia and Iran Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991. P. 82, 131.

¹⁶ Истерли У. Указ. соч. С. 41.

¹⁷ Истерли У. В поисках роста: приключения и злоключения экономистов в тропиках. М.: Ин-т комплексных стратегических исследований, 2006. С. 41.

зависимости от культурного контекста: от Англии и Франции до России и Китая¹⁸. Успешная модернизация «азиатских тигров» действительно осуществлялась на основе существенно иных принципов и подходов, чем это происходило в рамках европейской культуры. Выделим лишь некоторые наиболее очевидные отличия:

- базовая роль семейных ценностей, жесткое регулирование внутрисемейных взаимоотношений¹⁹;
- более важная роль личных взаимоотношений, основанных на семейных связях либо социальной сети (общие территориальные корни, учебные заведения и т. п.), чем правовой системы;
- перенесение этики семейных отношений на бизнес (незащищенность прав «внешних» собственников, пожизненный найм и т. п.);
- ориентация не на текущую прибыль, а на долгосрочные результаты деятельности;
- восприятие сращивания государства с бизнесом и преференций отдельным экономическим агентам как приемлемой формы взаимодействия.

В то же время исследователи отмечают достаточно противоречивое влияние многих из указанных выше ценностных установок на модернизационный процесс, ограниченный и преходящий характер получаемых за счет подобной институциональной системы преимуществ. Так, данные институты²⁰ могут вполне успешно работать на этапе экономического роста, однако оказываются нефункциональными в периоды кризисов, когда необходимо четко отслеживать текущую финансовую ситуацию и отказываться от поддержки нежизнеспособных компаний. Кроме того, эффективность части из них снижается с течением времени. Анализируя азиатский кризис 1990-х гг., один из экспертов делает следующий вывод: «Азиатские ценности хорошо служили экономическому развитию почти столетия. Маловероятно, что они столь же успешно будут служить ему в будущем. Сейчас вызов в том, чтобы завершить процесс создания сильной современной экономики, построенной на основе законности»²¹. Одна из

¹⁸ Подробный анализ взаимосвязи процессов модернизации и революции см.: *Стародубровская КВ., Мау В.А.* Великие революции от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.

¹⁹ «Центральным звеном конфуцианской модели мира является иерархично устроенная семья, в которой младшие ее члены беспрекословно подчиняются авторитету старших, особенно отца, а тот, в свою очередь, обязан быть справедливым и обеспечивать благополучие всех членов семьи. Данный тип отношений проецируется на все общественные институты и само государственное устройство» (*Воронцов А. В.* Республика Корея: достижения догоняющего развития // Рыночная демократия в действии. Современное политико-экономическое устройство развитых стран / под ред. В. А. Мау, А. А. Мордашева, Е. В. Турунцева. М.: Ин-т экономики переходного периода, 2005. С. 299–300). [1] Здесь термины «институт», «институциональная система» употребляются в значении, придаваемом им Дугласом Нормом, т. е. понимаются как ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми как формальные правила и неформальные ограничения, а также механизмы принуждения к соблюдению тех и других. Норт различает институты – правила игры и организации – игроков, использующих эти правила (См.: *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997). Соответственно к институтам относятся как законы, нормы и правила, так и ценности, традиции, обычаи и стереотипы, регулирующие поведение людей. С этой точки зрения можно согласиться с тем, что культура является матерью, а институты – детьми (*Lawrence E.H.* Why culture matters // L.E. Harrison, S.P. Huntington (ed.). Culture matters: how values shape human progress. P. xxviii).

²⁰ Приведем описание формирования социальной базы революции, демонстрирующее сходство данного процесса в Иране с революционными ситуациями в других странах мира: «К концу 1970-х большой и процветающий средний класс, поколение современной молодежи и активных в публичной сфере женщин, промышленный рабочий класс и новые обнищавшие слои жителей трущоб и скваттеров преобладали на социальной сцене. За исключением бедных, большая часть этих групп выиграла от экономического развития и получила более высокий социальный статус и лучшее качество жизни. Однако живучесть авторитарного режима шаха препятствовала участию этих бурно развивающихся слоев в политическом процессе. По мере того, как росло их возмущение, то же происходило и со старыми традиционными социальными группами – торговцами, ранее представлявшими городской средний класс, духовенством и теми, кто посвятил себя исламским институтам, – то есть с теми, кому мешала модернизационная стратегия, чьи экономические интересы и социальный статус она подрывала» (*Bayat A.* Making Islam Democratic social movements and the post-Islamist turn Stanford, California: Stanford University Press, 2007. P. 22). Заметим, что такую характеристику движущих сил революции дает специалист по исламу.

²¹ *Perkins D.H.* Law, Family Ties, and the East Asian Way of Business // L.E. Harrison, S.P. Huntington (ed.). Culture matters: how values shape human progress. P. 243.

ключевых причин подобного заключения – неспособность экономики региона справиться с фаворитизмом и коррупцией, порождаемыми «азиатским» подходом к организации бизнеса. «Популярная в АСЕАН идея «стратегического союза между правительством и бизнесом», бывшая предметом их гордости, сейчас называется экспертами в качестве главной причины... тяжелого положения»²², в которое попали многие азиатские страны в ходе кризиса конца 1990-х гг.

Не последнюю роль в спонтанной тенденции к сглаживанию национальных различий играет процесс глобализации как таковой. Так, применительно к Южной Корее исследователи отмечают, что по мере ускоряющейся модернизации и интеграции страны в мировое хозяйство «происходит неизбежное усиление западных влияний на сознание корейских бизнесменов и администраторов. В настоящее время приходится говорить не о доминировании традиционных представлений и мотиваций в их практике, а только об их относительно высокой доле в общей сумме составляющих их мировоззрения»²³.

Однако, несмотря на неоднозначность происходящих в мире модернизационных процессов, недостаточность упрощенной европо – центристской модели становилась все более очевидной. Реакцией на неудовлетворительность представлений о модернизации как унификации институциональных и культурных систем стала идеология так называемой многовариантности либо альтернативности модернизации (*multiple modernities* или *alternative modernities*)²⁴.

Нельзя сказать, что она представляет собой полностью сложившееся научное направление, однако ряд основных подходов к анализу процессов развития в ее рамках были сформулированы.

Необходимо отметить, что сторонники данного направления не являются противниками комплексной модернизации жизни общества и не поддерживают идею: «возьмем западные технологии, но сохраним свою культуру». Они учитывают взаимосвязанность изменений в различных сферах общественной жизни, признавая, что «представление [о модернизации], судя по всему, характерное для неоконсерваторов на Западе и националистов в остальном мире, о том, что можно взять хорошее (например, технологию) и избежать плохого (например, чрезмерного индивидуализма), является иллюзией»²⁵. В то же время они противопоставляют две модели модернизации: когда традиционная культура разрушается и население насильственно ассимилируется (что ассоциируется с европейским колониализмом) и когда люди в их традиционной культуре находят ресурсы, которые позволяют им внедрять новые практики²⁶. Процесс использования традиционных ресурсов для новых практик в рамках данной парадигмы получил название «креативная адаптация», причем признается, что подобная адаптация может быть различна в разных культурах.

В то же время центральный вопрос рассматриваемого подхода – вопрос о соотношении конвергенции и дивергенции в ходе модернизации – далек от своего разрешения. Сторонники многовариантной модернизации признают, что модернизационная трансформация не может быть реализована без глубоких изменений традиционного образа жизни. Однако их не устраивает вариант решения данной проблемы, предусматривающий конвергенцию институ-

²² Воронцов А. В. Республика Корея: достижения догоняющего развития // Рыночная демократия в действии. Современное политико-экономическое устройство развитых стран. С. 310.

²³ Воронцов А. В. Республика Корея: достижения догоняющего развития // Рыночная демократия в действии. Современное политико-экономическое устройство развитых стран. С. 305.

²⁴ Необходимо отметить, что в английском языке для обозначения рассматриваемого нами явления используется два термина: *modernization* (модернизация) и *modernity* (модернизм). Четкой границы в применении данных терминов не наблюдается, хотя термин «modernization» чаще используется в экономическом контексте, а термин «modernity» – в культурном.

²⁵ Gaonkar D.P. On Alternative Modernities // Public Culture. 1999. Vol. 11. N 1. P. 16.

²⁶ Taylor C. Two Theories of Modernity // Public Culture. 1999. Vol. 11. N 1. P. 162.

тов при сохранении культурного многообразия. По их мнению, институты также могут существенно различаться, хотя и выполнять схожие функции. В качестве одного из возможных критериев «модернизационности» тех или иных институтов предлагается оценивать их конкурентоспособность на мировом рынке²⁷. Действительно, опыт «азиатских тигров» демонстрирует, что успешная конкуренция различных бизнес-моделей и бизнес-культур становится реальностью, и это подтверждает позицию сторонников многовариантной модернизации, отрицающих исключительную роль европейских ценностей. «Безусловно, ценности эпохи Просвещения, такие как инструментальная рациональность, свобода, осознание прав, должное соблюдение закона, частная жизнь, индивидуализм, являются универсализируемыми модернизационными ценностями, но, как показывает пример конфуцианства, «азиатские ценности», такие как сострадание, справедливость в распределении, осознание обязанностей, ритуалы, коллективизм и ориентация на группу, также являются универсализируемыми модернизационными ценностями»²⁸.

Однако у рассматриваемого подхода есть и серьезные слабости. С одной стороны, однозначное разделение моделей по принципу «насиленная европеизация – использование внутренних модернизационных ресурсов» в чистом виде не работает. Процесс модернизации «азиатских тигров» также не обошелся без вестернизации, как насильственной, так и добровольной, причем, как было показано выше, этот процесс продолжается. С другой стороны, способность конфуцианской культуры адаптироваться к модернизационным процессам²⁹ еще не означает, что это по силам любой культуре в любом регионе мира. Сам по себе феномен «азиатских тигров» не приводит к однозначному выводу, что за азиатской модернизацией следует индийская, исламская и т. п.

В целом можно сказать, что вопрос о единстве и многообразии путей от традиционного общества к современному остается открытым. Очевидно, что представление о наличии единой универсальной модели модернизации, позволяющей выписать «рецепт модернизации» любой стране мира вне зависимости от ее внутренних характеристик и культурных особенностей, – недопустимое упрощение. Собственно, даже западная модель модернизации внутренне неоднородна: модернизации Великобритании и Германии, США и Франции отличались друг от друга по многим существенным характеристикам. Еще более специфична модернизация Италии и Испании. В то же время нет подтверждения тому, что культура любого сообщества имеет модернизационный ресурс и креативная адаптация может быть универсальным вариантом внедрения новых практик. Нет также ясности в том, в какой момент культурные барьеры на пути к модернизации становятся запретительно высоки и креативная адаптация теряет свой потенциал.

²⁷ Taylor C. Two Theories of Modernity // Public Culture. 1999. Vol. 11. N 1. // P. 16 4.

²⁸ Wei-Ming Tu. Multiple Modernities: A Preliminary Inquiry into the implications of East Asian Modernity// L.E. Harrison, S.P. Huntington (ed.). Culture matters: how values shape human progress. P. 264.

²⁹ Отметим, что еще Макс Вебер выделял конфуцианскую культуру, отмечая, что, будучи, по его мнению, неспособной создать капитализм «с нуля», она хорошо приспособлена для подражания его практикам, сформированным в развитых странах (причем признавал в этом преимущества китайской культуры над японской).

2.2. Проклятие успешной модернизации

При всей важности рассмотрения подходов к исследованию модернизации в научной литературе необходимо понимать, что практически для любой страны, самостоятельно определяющей свою политику в данном вопросе, собственный предшествующий опыт, как позитивный, так и негативный, играет гораздо большую роль. В общественном сознании россиян бытует представление о том, что модернизационный проект, реализованный в 30-е гг. XX в., был крайне эффективен, несмотря на те гигантские жертвы, которых он потребовал. Соответственно, когда заходит речь о необходимости модернизации страны, этот процесс напрямую ассоциируется с теми подходами и инструментами, которые были реализованы в эпоху индустриализации, а именно:

- ведущая роль государства в процессе модернизации, инициатива «снизу» не играет особой роли в данном процессе;
- концентрация финансовых ресурсов «в центре» и последующее выделение их на масштабные модернизационные проекты;
- ключевая роль в модернизации инвестиций, а не качественных характеристик человеческого капитала и институциональной среды;
- несовместимость модернизационного рывка с политикой либерализации, развития конкуренции, свободы предпринимательства.

Подобные представления в полной мере проявились применительно к модернизации на Северном Кавказе. Приведем следующую характеристику особенностей современного этапа федеральной политики в данном регионе, нашедшего отражение в стратегии Северо-Кавказского федерального округа: «Впервые стратегия делается не снизу вверх, а сверху вниз. ...В нашей стратегии четко обозначено, что мы хотим от Северного Кавказа. Есть четкие цифры, четкие параметры... Мы говорим: вот республика, вот ее приоритетные отрасли экономики, которые она должна развивать. Для того чтобы эти отрасли экономики развивались, вам нужно в республике принять следующие меры для создания условий, которые были бы эффективны для развития указанных направлений»³⁰. Если же рассмотреть те условия, которые стратегия предлагает для стимулирования экономического развития в регионе, то они также вполне вписываются в идеологию восьмидесятилетней давности.

1. Принята ориентация на поддержку крупных проектов, масштабных инвестиций. Хотя стратегия провозглашает поддержку малого бизнеса как одно из необходимых направлений экономической политики, пока все анонсированные меры направлены, в первую очередь, на работу с крупными инвесторами.

2. Механизмы экономической поддержки будут действовать селективно, государство выбирает «победителей» на рынке и оказывает финансовое содействие именно им. Причем масштабы поддержки таковы, что конкурировать с выбранными «победителями» практически невозможно.

3. Приоритетные проекты исключаются из нормального, рыночного процесса оценки рисков. Так, предполагается массированное предоставление гарантий (на 2011 г. принято беспрецедентное решение о предоставлении государственных гарантий Правительства РФ в объеме 50 млрд руб.) без залогового обеспечения.

---

³⁰ Хлопонин А. Г. Главным итогом изменения климата на Кавказе будет отношение населения к власти // Коммерсантъ. 2010. № 209.

4. Финансовую поддержку предполагается осуществлять через созданные на уровне округа централизованные институты развития: корпорацию развития, инвестиционные фонды.

5. В целом стратегия сконцентрирована на работе с инвесторами, а не с сообществами. Исключение составляет направление, ориентированное на поддержку местных инициатив. Однако этот элемент стратегии является привнесенным – в Северо-Кавказском федеральном округе планируется реализовать проект Всемирного банка в данной сфере, и стратегия здесь воспроизвела идеологию поддержки процессов развития, исповедуемую международными финансовыми организациями.

Чтобы понять, насколько подобные подходы жизнеспособны в современный период, необходимо проанализировать используемые в мире модели модернизации и условия их эффективного применения. Оценивая с этой точки зрения «модернизационное наследие», которое оставила нам успешная (по технологическим критериям) индустриализация 30-х гг. XX в., можно сделать вывод, что данная модель является далеко не единственным подходом к модернизации экономики и ее эффективность была подтверждена лишь в определенных, достаточно специфических условиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.